

УДК 821.112.2-31(436)

ББК 84(4Авс)-44

К30

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с немецкого

Серийное оформление *Е. Фerez*

Кафка, Франц.

К30 Превращение : [сборник : перевод с немецкого] / Франц Кафка. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-101311-0

В сборник вошли наиболее известные «малые» произведения Кафки разных лет. Здесь и так называемые кафкианские кошмары — «Превращение», «В исправительной колонии», и изящные притчи, сатирические рассказы и миниатюры, а также дневниковая проза.

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44

© Перевод. С. Апт, наследники, 2017
© Перевод. В. Топер, наследники, 2017
© Перевод. Е. Мехелевич, наследники, 2017
© Перевод. В. Станевич, наследники, 2017
© Перевод. И. Щербакова, 2017
© Перевод. М. Рудницкий, 2017
© Перевод. Ю. Архипов, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-101311-0

ОПИСАНИЕ ОДНОЙ СХВАТКИ

И в одежде бродят люди
Там по берегу бесцельно,
И под небом, что простерлось
От одних холмов далеких
До других холмов вдали.

I

Около двенадцати часов некоторые гости встали, раскланялись и пожали друг другу руки, сказав, что им было очень приятно; сквозь широко распахнутые двери они вышли в прихожую, чтобы одеться. Хозяйка дома стояла посреди залы и так изящно изгибалась, раскланиваясь, что ее платье ложилось красивыми складками.

Я сидел за маленьким столиком на трех тонких кривых ножках и потягивал бенедиктин — то была уже третья рюмка за этот вечер, — одновременно оглядывая небольшую горку пирожных, которые я сам выбрал и положил себе на тарелочку; пирожные были отменные.

Тут ко мне подошел мой новый знакомый и, слегка рассеянно улыбнувшись моему занятию, сказал дрожащим голосом: «Простите, что я нарушил ваше одиночество. Но я все это время провел в одной из боковых комнат наедине с моей девушкой. С половины одиннадцатого, то есть совсем не так уж долго. Простите, что я вам это сообщаю. Ведь мы друг друга совсем еще не знаем. Не правда ли, мы ведь только

встретились на лестнице и сказали друг другу несколько любезных слов, а теперь я вдруг рассказываю вам о своей девушке, но — еще раз прошу вас — извините, счастье переполняет меня, и я просто не смог удержаться. А поскольку у меня нет здесь знакомых, которым я мог бы довериться...»

Он говорил и говорил. А я грустно поглядел на него — фруктовое пирожное, которое я как раз откусил, пришлось мне совсем не по вкусу — и сказал прямо в его раскрасневшееся лицо: «Я рад, что кажусь вам достойным вашего доверия, но огорчен сказанным вами. И вы сами — не будь так возбуждены — несомненно почувствовали бы, насколько неуместно рассказывать о любящей девушке человеку, сидящему в одиночестве с рюмкой спиртного».

Услышав эти слова, он рывком опустился на стул и откинулся на спинку, безвольно свесив руки. Но потом, согнув их, он уперся локтями в спинку стула и начал говорить довольно громко, но как бы про себя: «Мы были в комнате совсем одни — я и Аннерль, — и я ее целовал — целовал — я ее целовал — ее губы, ее уши, ее плечи».

Несколько мужчин, стоявших поблизости, решили, что мы с ним оживленно беседуем, и, зевая, подошли к нашему столику. Поэтому я встал и громко сказал: «Хорошо, раз вы настаиваете, я пойду, но сейчас глупо идти пешком на холм Лаврентия, так как еще холодно, а поскольку к тому же и выпал снег, то на улице скользко, как на катке. Но раз вы настаиваете, я пойду с вами».

Сначала он уставился на меня и от удивления даже открыл рот: губы у него были толстые, яркие и влажные. Но потом, заметив мужчин, уже вплотную приблизившихся к нам, он засмеялся, встал со стула и сказал: «О нет, холодный воздух сейчас будет нам весьма кстати, наше платье пропиталось духотой и

табачным дымом, к тому же я, вероятно, слегка опьянел, хотя и выпил совсем немного, — да, мы простимся и пойдем».

Мы направились к хозяйке дома, и когда он поцеловал ей руку, она сказала:

— Я на самом деле очень рада, что ваше лицо сегодня сияет от счастья, потому что обычно вид у вас очень серьезный и даже скучающий».

Ее доброта тронула его, и он еще раз поцеловал ее руку; в ответ она улыбнулась.

В прихожей стояла горничная, которой мы до того не видели. Она помогла нам надеть пальто и взяла со стола небольшую лампу, чтобы осветить нам на лестнице. Да, эта девушка была очень хороша собой. Шея ее была обнажена, ее обвивала лишь тоненькая бархотка под самым подбородком, а угадывающееся под просторным платьем тело красиво выгибалось, когда она спускалась перед нами по лестнице, освещая лампой ступеньки. Щеки ее рдели румянцем от выпитого вина, а губы были полуоткрыты.

Внизу она поставила лампу на ступеньку, слегка пошатываясь, шагнула к моему новому знакомцу, обвила его шею руками, впилась в него поцелуем и так застыла. Только когда я догадался сунуть ей в руку монетку, она медленно, как бы сонно, разжала объятия, так же медленно отперла входную дверь и выпустила нас в ночную темь.

Над пустынной, равномерно освещенной улицей висела огромная луна на покрытом легкими облачками и потому казавшемся еще более просторным небе. Земля была запорошена свежим снегом. Ноги скользили и разъезжались, так что идти приходилось мелкими шагами.

Едва оказавшись на улице, я вдруг ни с того ни с сего развеселился. Стал почему-то высоко задирать ноги, так что они забавно потрескивали в суставах,

потом выкрикивал какое-то имя, словно вслед свернувшему за угол приятелю, прыгал, подбрасывая в воздух и ловя свою шляпу, как бы рисуясь своей ловкостью.

Но мой знакомец как ни в чем не бывало шагал рядом, глядя под ноги и не говоря ни слова.

Это меня удивило, ибо я ожидал, что от радости он начнет безумствовать, как только избавится от зрителей. Я поутих. И едва только собрался ободряюще хлопнуть его по спине, как меня охватил стыд, я довольно неуклюже отдернул уже занесенную руку. За ненадобностью я сунул ее в карман пальто.

Так мы с ним и шли в молчании. Я прислушивался к звуку наших шагов и никак не мог понять, почему мне не удастся подладиться к его походке. Это меня немного заняло. Луна светила вовсю, видно было, как днем. Там и сям из окон высовывались люди, наблюдая за нами.

Когда мы дошли до улицы Фердинанда, я заметил, что мой знакомец стал напевать какую-то мелодию: пел очень тихо, но я услышал. Его поведение показалось мне оскорбительным. Почему он со мной не разговаривает? Если я ему не нужен, почему он прицепился ко мне? Я с досадой вспомнил о прекрасных пирожных, которые из-за него пришлось оставить на столике. Вспомнился мне и бенедиктин, и я немного повеселел, даже, можно сказать, развеселился. Я упер руки в боки и вообразил, будто я один и просто вышел прогуляться. Я был в гостях, там спас от постыдной сцены одного неблагодарного молодого человека и теперь гуляю при лунном свете. Весь день — в конторе, вечером — в гостях, ночью — прогулка по улице, все в меру. Абсолютно естественный образ жизни!

Однако мой знакомец все еще шел за мной, более того, он даже ускорил шаги, заметив, что отстал, причем держался так, будто это было вполне естествен-

но. А я подумал, не лучше ли мне свернуть сейчас в какой-нибудь переулок, ведь не обязан же я гулять в его обществе. Я мог идти домой сам по себе, и никто не имел права чинить мне препятствия. Дома я зажгу настольную лампу на железной подставке и сяду в кресло, стоящее на потертом восточном ковре. Подумав так, я почувствовал, как меня одолевает слабость, наваливающаяся на меня всякий раз, как вспомню, что мне придется вернуться в свое жилище и вновь провести много часов в одиночестве среди этих выкрашенных масляной краской стен, на этом полу, который, отражаясь в зеркале, висящем на задней стене, кажется наклонным. Ноги мои стали подламываться от усталости, и я совсем было решил в любом случае немедленно идти домой и лечь в постель, как вдруг засомневался, следует ли мне при этом попрощаться с моим знакомцем или нет. Но я был слишком робок, чтобы уйти, не попрощавшись, и слишком слаб, чтобы громко крикнуть слова прощанья, поэтому я опять остановился и, прислонившись к освещенной луной стене какого-то дома, стал его поджидать.

Он догнал меня бодрым шагом, но казался слегка озабоченным. При этом он еще что-то на себя напускал, подмигивал мне, воздевая руки к небу, вытягивал в мою сторону шею, вертел головой, увенчанной черной шляпой, желая, видимо, показать, что оценил по достоинству мою шутку, которой я хотел его развеселить. Растерявшись, я только тихо сказал: «Веселый вечерок выдался нынче». При этом я издал какой-то нервный смешок. Он ответил: «Верно. А вы видели, что и горничная тоже меня поцеловала?» Я не мог ему ответить, потому что в горле у меня стояли слезы, и протрубил на манер рожка почтовой кареты, только чтобы не промолчать. Он сперва зажал уши, потом в знак дружеской благодарности пожал мне правую руку. Видимо, она показалась ему чересчур холодной,

потому что он сразу ее выпустил, сказав: «Ваша рука очень холодна, губы горничной были теплее, о да». Я понимающе кивнул. И мысленно моля Бога придать мне стойкости, произнес: «Да, вы правы, сейчас нам пора разойтись по домам, уже поздно, а завтра утром мне идти на работу: представьте себе, у нас в конторе можно и поспать, но делать это не полагается. Вы правы, мы пойдем по домам». При этом я протянул ему руку, как бы считая вопрос исчерпанным. Но он, улыбаясь, подхватил мой способ уходить от ответа: «Да, вы правы, такую ночь нельзя проспять. Представьте себе, сколько счастливых мыслей мы душим под одеялом, если спим одни в своей постели, и сколько горестных снов она согревает». И от радости, что сумел так ловко ответить, он схватил меня за отвороты пальто — выше он просто не достал — и начал меня энергично трясти; потом прищурился и сказал доверительным тоном: «Знаете, кто вы такой? Вы — чудак». С этими словами он зашагал дальше, и я, незаметно для себя, поплелся за ним, потому что его слова заставили меня задуматься.

Сначала я обрадовался, ибо они показывали, что он предполагал во мне нечто, чего во мне не было, но само это предположение вызывало у него уважение ко мне. От такого отношения я просто расцветаю. Я был доволен, что не ушел домой, и мой знакомец приобрел в моих глазах большую ценность, как человек, выделяющий меня из других людей без всяких усилий с моей стороны! Я посмотрел на него восхищенными глазами. Мысленно я уже защищал его от всевозможных опасностей, в особенности от соперников и ревнивцев. Его жизнь вдруг стала мне дороже моей. Я нашел, что он красив, был горд его успехом у женщин, мне как бы досталась часть тех поцелуев, которые в этот вечер он получил от двух девушек сразу. О, этот вечер и впрямь был веселый! Завтра мой знакомец будет беседовать с

фройляйн Анной; сперва, как это принято, о каких-то обыденных вещах, а потом вдруг скажет: «Вчера ночью я общался с человеком, какого ты, милая Аннерль, наверняка еще ни разу в жизни не встречала. На вид он похож — как бы лучше выразиться — на покачивающуюся жердь, на которую сверху как-то косо насажен череп, обтянутый желтой кожей и покрытый черными волосами. Тело его обвешано множеством мелких, ярких и желтоватых кусков ткани, которые вчера прикрывали его полностью, ибо ночь была тихая, и ткань гладко прилегала к телу. Он робко шел рядом со мной. Милая Аннерль, ты умеешь так сладко целоваться, но я уверен, что, увидев его, ты бы и засмеялась, и испугалась; а я, чья душа растаяла от любви к тебе, я был рад его присутствию. Вероятно, он очень несчастен, потому и молчалив, и все же рядом с ним ощущаешь какое-то счастливое беспокойство, которое не кончается. Ведь вчера я был поглощен собственным счастьем и все же почти забыл о тебе. Мне показалось, будто с каждым вздохом его впалой груди вздымается твердый свод звездного неба. Линия горизонта исчезает, и под пылающими облаками взору открываются такие бескрайние дали, которые делают нас счастливыми. Боже, как я люблю тебя, Аннерль, твой поцелуй мне милее любых далей. Не будем больше говорить о нем, станем просто любить друг друга».

Когда мы с ним медленно зашагали по набережной, я хоть и завидовал поцелуям, полученным моим знакомцем, но с радостью ощущал и скрытое чувство стыда, которое он, наверное, должен был испытывать по отношению ко мне — такому, каким я ему представлялся.

Так я думал. Но мысли мои смешались, потому что Влтава и улицы на другом ее берегу были погружены во мрак. Лишь редкие фонари горели, как бы перемигиваясь со мной.

Мы с ним остановились у парапета. Я надел перчатки, так как от реки веяло холодом: потом я без всякой на то причины глубоко вздохнул, как вздыхаешь ночью у реки, и хотел было идти дальше. Но мой знакомец неотрывно глядел на воду и не двигался. Потом он подошел еще ближе к парапету, оперся локтями о железную перекладину и уронил лоб в ладони. Я счел это глупой выходкой. Мне было холодно, и я поднял воротник пальто. А мой знакомец вдруг выпрямился и, держась вытянутыми руками за перекладину, перевесился через парапет. Пристыженный, я поторопился заговорить, чтобы скрыть зевоту: «Не правда ли, странно, что только ночь, она одна, способна полностью погрузить нас в воспоминания. Вот сейчас, например, я вспомнил о таком случае. Однажды вечером я сидел на скамье у какой-то реки. Сидел я, положив руку на деревянную спинку и склонив голову на руку, смотрел на призрачные горы за рекой и слушал нежную мелодию скрипки, доносившуюся из ближней гостиницы. По обоим берегам время от времени медленно тащились поезда с хвостом искрящегося дыма». Так я говорил, а сам судорожно старался придумать какую-нибудь диковинную любовную историю, пусть даже с грубыми нравами и изнасилованием.

Но едва я успел произнести первые несколько слов, как мой знакомец равнодушно обернулся ко мне и — как мне показалось, — просто удивленный тем, что я все еще здесь, сказал: «Видите ли, со мной всегда так. Сегодня, когда я спускался с лестницы, чтобы прогуляться перед тем, как отправиться в гости, я удивился, заметив, что при ходьбе как-то слишком энергично размахиваю руками, обрамленными белыми манжетами. Я тут же понял, что меня ждет приключение. И так со мной всегда». Последние слова он сказал уже на ходу и как бы между прочим, словно некое побочное умозаключение. Но меня оно очень

тронуло, и я заволновался, не раздражает ли его моя долговязая фигура, рядом с которой он кажется недоростком. Это обстоятельство мучило меня, хотя на дворе была ночь и мы почти никого не встретили, да так сильно мучило, что я сгорбился, стараясь казаться ниже, и мои руки стали доставать до колен. Но для того, чтобы мой знакомец ничего не заметил, я менял осанку весьма осторожно и постепенно и отвлекал его внимание от моей особы всевозможными замечаниями по поводу деревьев на Стрелецком острове и отражений мостовых фонарей в реке. Но он вдруг резко обернулся ко мне и довольно мягко заметил: «Почему вы так сутулитесь? Вы согнулись в три погибели и стали чуть ли не одного роста со мной!»

Он сказал это по-доброму, и поэтому я ответил: «Может, и так. Но мне такая осанка приятнее. Видите ли, я слаб здоровьем, и мне трудно держаться всегда прямо. Это не так уж просто, ведь я такой долговязый».

Он возразил с некоторым недоверием: «Это просто ваш каприз. Ведь до этого вы держались совершенно прямо, как мне кажется, да и в гостях не сутулились. Даже танцевали там. Или нет? Но прямо вы все-таки держались и сейчас вполне можете выпрямиться».

Но я настаивал на своем и даже выставил ладонь, защищаясь: «Да-да, я держался прямо. Но вы меня недооцениваете. Я знаю, что такое хорошие манеры, и поэтому сутулюсь».

Эта мысль оказалась слишком сложной для него, ибо, поглощенный своим счастьем, он не уловил логической связи в моих словах и, проронив: «Ну, как вам будет угодно», — посмотрел на часы Мельничной башни: было уже около часу.

А я сказал сам себе: «До чего же этот человек бессердечен! До чего явно и нескрываяемо безразличен к проявленной мной деликатности! А все потому, что он счастлив, счастливые люди находят естественным все,

что происходит вокруг них. Счастье наводит глянец на все окружающее. И если бы я сейчас прыгнул в воду или на его глазах в конвульсиях забился прямо здесь, на мостовой, под этой аркой, я бы вписался в благополучную картину его счастья. Более того, если бы на него вдруг нашло, — а счастливые люди, несомненно, очень опасны, — он бы запросто мог меня убить. Я в этом уверен, как, впрочем, и в том, что я трус и от страха не осмелился бы даже закричать. Боже сохрани!» В испуге я огляделся. Вдалеке, перед каким-то кафе с темными прямоугольными стеклами улицу переходил полицейский. Сабля ему немного мешала при ходьбе, и он придерживал ее рукой, так ему было удобнее. Услышав на довольно значительном расстоянии, что он еще и напевает, я окончательно уверился, что он меня не спасет, если мой знакомец захочет меня прикончить.

Зато теперь я точно знал, что мне делать, ибо именно в преддверии ужасных событий на меня снисходит необычная решительность. Мне нужно убежать. Сделать это очень просто. Теперь, при повороте к Карлову мосту налево, я мог улизнуть через Карлов переулок направо. Переулок этот извилист, там есть и темные подворотни, и винные погребки, которые все еще открыты; так что отчаиваться нечего.

И когда мы с ним вышли из-под арки моста в конце набережной, я стремглав бросился в переулок; но, добежав до боковой дверцы в стене церкви, я растянулся, споткнувшись о ступеньку, которой не заметил. Упал с грохотом. Ближайший фонарь был далеко, я лежал в полной темноте. Из винного погребка напротив вышла толстая баба с коптящей лампой в руках, чтобы посмотреть, что случилось. Доносившаяся из погребка музыка оборвалась, и какой-то мужчина распахнул настежь дверь, которую баба оставила полуоткрытой. Он смачно сплюнул на ступеньку и, по-

щекотав бабу между грудей, заметил: «Что бы там ни случилось, никакого значения не имеет». Потом баба повернулась, и дверь за ними захлопнулась.

Попытавшись встать, я тут же вновь упал. «Гололедица», — сказал я вслух и почувствовал сильную боль в колене. И все же был рад, что люди из погребка меня не заметили; поэтому счел за лучшее остаться здесь до рассвета.

Знакомец же мой, видимо, дошел в одиночестве до моста, не заметив моего исчезновения, ибо подошел ко мне лишь через довольно долгое время. На его лице не было видно удивления, когда он сочувственно наклонился ко мне и мягкой ладонью погладил меня по лицу. Он ощупал мои скулы, потом притронулся двумя пальцами к моему низкому лбу: «Вы сильно ушиблись, да? Сейчас гололед, нужно быть осторожным... Голова болит? Нет? Ага, колено, так-так». Он говорил нараспев, словно рассказывал какую-то историю, причем весьма приятную, в которой речь шла о чьем-то другом, а вовсе не о моем колене, и о чьей-то другой боли. Руками он тоже двигал, но все не для того, чтобы меня поднять. Я подпер голову правой ладонью — локоть при этом упирался в каменную плиту — и сказал быстро, чтобы не забыть: «Собственно говоря, я сам не знаю, почему побежал направо. Просто я увидел под аркадами этой церкви — не знаю, как она называется, о, простите, пожалуйста, — кошку. Маленькую такую кошку со светлой шерсткой. Потому я ее и заметил. ... Нет, извините, дело совсем не в кошке, но так утомительно целый день держать себя в руках. Ведь и спим мы для того, чтобы набраться для этого сил; а если не спишь, то нередко с нами случаются совершенно бессмысленные вещи; однако со стороны посторонних было бы невежливо громко выражать свое удивление по этому поводу».

Мой знакомец, держа руки в карманах, посмотрел в сторону безлюдного в этот час моста, потом на костел Святого Креста и перевел взгляд на звездное небо. Поскольку он не слушал меня, то робко сказал: «Да, почему вы молчите, дорогой; вам плохо? Да, почему вы, собственно, не встаете? Здесь холодно, вы простудитесь, а кроме того, мы с вами ведь собирались пойти на холм Лаврентия».

«Конечно, — отвечивал я с земли, — простите»; и я самостоятельно поднялся, хотя и было очень больно. Меня шатало, так что мне пришлось уцепиться взглядом за статую Карла Четвертого, чтобы проверить, прочно ли я стою на ногах. Однако лунный свет был так изменчив, что и Карл Четвертый оказался движущимся. Я очень удивился этому обстоятельству, и ноги мои тотчас окрепли — от страха, что Карл Четвертый рухнет, если я не стану устойчивее. Позже я счел свои усилия бесполезными, ибо Карл Четвертый все-таки рухнул — как раз в ту минуту, когда я вообразил, что меня любит девушка в красивом белом платье.

Я делаю ненужное и многое упускаю. Ведь какая удачная была мысль насчет девушки в белом! Как добра была ко мне — луна, одарившая и меня своим светом; из скромности я уже хотел спрятаться от него под сводами Мостецкой башни, как вдруг понял, что луна, естественно, освещает все подряд. Поэтому я даже радостно развел руки в стороны, чтобы подставить всего себя лунному свету. И тут мне вспомнился стих:

Я несся по улицам,
Словно пьяный бегун,
Оглашая топотом воздух.

И на душе стало легко, когда я без боли и усилий двинулся вперед, делая вялыми руками плавательные движения. Голове было приятно соприкоснуться с холодным воздухом, а любовь девушки в белом при-

вела меня в состояние сладостной грусти, ибо мне казалось, словно я улываю прочь от возлюбленной и от призрачных гор ее родины. И я вспомнил, что некогда ненавидел одного знакомого счастливца, который, вероятно, все еще находится рядом со мной, и обрадовался, что память моя так еще хороша, что хранит даже столь незначительные факты. Ибо памяти нашей приходится выносить многое. Так, неожиданно выяснилось, что я знаю названия всех звезд на небе, хотя никогда раньше их не знал. Имена были, правда, какие-то странные, трудно запоминаемые, но я знал их все до единого и в точности. Я поднял вверх указательный палец и громко произнес названия некоторых из них. Но вскоре мне пришлось прерваться, поскольку надо было плыть дальше, если я не хотел утонуть. Но чтобы мне потом не могли сказать, мол, по мостовой каждый может плавать, так что не стоит об этом и рассказывать, я одним рывком перемахнул через парапет и вплавь обогнул каждую статую моста, которая мне встретилась. У пятой статуи, как раз когда я взмахнул руками над мостовой, знакомец схватил меня за запястье. Так я опять оказался на каменных плитах и почувствовал боль в колене. Я забыл названия звезд, а о милой девушке я помнил только, что она носила белое платье, но никак не мог припомнить, какие у меня были основания думать, что она меня любит. Во мне поднялась сильная и вполне законная злость на собственную память и страх потерять эту девушку. Поэтому я стал напряженно и непрерывно повторять «белое платье, белое платье», чтобы хотя бы этим единственным признаком удержать девушку. Но это не помогло. Знакомец все настойчивее вторгался в мои мысли своими словами, и в тот момент, когда я начал их понимать, вдоль парапета скользнул слабый лучик, мелькнул в Мостецкой башне и скрылся в темном переулке.